Министерство образования и науки Украины

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова Кафедра истории древнего мира и средних веков

Одесский Археологический музей Национальной Академии Наук Украины

Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья Национальной Академии Наук Украины

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск VIII

Одесса ФЛП «Фридман А.С.» 2008 ББК 63.3(237Ук,7) УДК 902/904 Д73

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского нашионального университета имени И.И. Мечникова. Протокол №5 от 12 февраля 2008 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск VIII / Под ред. И.В. Немченко и др. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2008. – 392 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов VIII Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 12-14 марта 2008 г. Выпуск включает статьи, посвященные проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.

Демин О.Б. – д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.

Луговой О.М. – ответственный секретарь, технический редактор.

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.

Руссев Н.Л. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинев, Молдова).

Самойлова Т.Л. - к.и.н., зав. отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.

Смынтына Е.В. – д.и.н., проф., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Репензенты:

Бруяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.

Сорочан С.Б. – д.и.н., проф. кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

Издание осуществлено при финансовой помощи **Владимира Владимировича Левчука**, председателя Овидиопольского районного совета.

ISBN 966-96181-5-0

мелкими буквами. С другой стороны, увеличение поля применения названия Бессарабия началось контаминацией его с названием Буджак: с расширением Буджакской татарской земли по мере возрастания степного населения, «росла» и Бессарабия. Теперь она охватывала всю степную часть междуречья, а в определенный период доходила до р. Тилигул, но потом «вернулась» за Днестр. В Османской империи название новой области Бессарабия имело географическое значение.

1

³ Багров Л. Историческая картография. – М., 2004. – С. 169.

⁹ Боплан Г.Л. де. Опис України. – К., 1991. – С. 166.

¹² Вавричин М., Дашкевич Я. Там само. – С. 100.

Н.Г. Подаляк (Киев, Украина) ГАНЗЕЙСКИЕ СЪЕЗДЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV в.: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ И ЦЕРЕМОНИАЛ

Возникнув в середине XII в., немецкая Ганза прошла путь длиной в полтысячелетия и стала явлением общеевропейского масштаба. При столь глобальном характере деятельности она никогда не отличалась внутренней монолитностью и состояла сначала из трех, а затем четырех региональных подразделений с относительно автономным статусом. Их

¹ Салищев К.А. Основы картоведения. – Ч. 2: Исторические и картографические материалы. – М., 1962. – С. 31, карта.

² Люта Т. Україна на старожитніх мапах // Пам'ятки України. — 1996. —2. — С. 62.

⁴ Ширяев В.В. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. – Минск, 1991. – К. 4.

 $^{^{5}}$ Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавних картах. – Л., 2006. – С. 28.

⁶ Люта Т. Указ.соч. – С. 138.

⁷ Люта Т. Указ.соч. – С. 53, 55.

 $^{^8}$ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. (1489 – 1505) // РИО. – Т. 41. – СПб., 1884. – С. 152–153.

 $^{^{10}}$ Дашкевич Я.Р. Територія України на картах XIII – XVIII ст. // Історичні дослідження вітчизняної історії. – Вип. 7. – К., 1981. – С. 89.

¹¹ История Молдавской ССР. – Т. І. – Кишинев, 1965. – С. 232.

 $^{^{13}}$ История на България. – Т. IV: Бъгарският народ под османско владичество (от XV до началото на XVIII в.). – София, 1981. – С. 153.

¹⁴ Вавричин М., Дашкевич Я. Там само. – С. 124.

¹⁵ Там же. – С. 86.

 $^{^{16}}$ Боплан Г.Л. де. Там само. – Карта-вкладка.

¹⁷ Люта Т. Там само. – С. 62.

¹⁸ Боплан Г. Л. де. Там само. – С. 169.

¹⁹ Люта Т. Там само. – С. 58–61. – Карты.

²⁰ Panaitescu P.P. Contribuții la opera geografica a lui D. Cantemir // Memoriile secțiunii istorici. – Ser. III. – T. VIII. – 1927-1928. – P. 175–188, карта-вкладка.

интересы не только не всегда совпадали, но порой оказывались прямо противоположными друг другу. Более того, недоразумения и конфликты случались между городами и в пределах одной территориальной группы. Все это не могло не сказаться на институциональном устройстве Ганзы, предопределив такую его специфическую черту, как отсутствие единого, действующего на постоянной основе руководящего центра.

Исследователи ганзейской истории единодушны в мнении о том, что с середины XIV в. функции высшего властного органа Ганзы начал выполнять всеобщий съезд – ганзетаг¹. Диапазон полномочий ганзетагов четко отражен в их протокольных записях – рецессах². Знакомство с содержанием последних убеждает, что ведению ганзетагов подлежал чрезвычайно широкий круг вопросов: объявление войны и заключение мира, установление правил торговли и ее ассортимента, регулирование взаимоотношений со странами-контрагентами, применение мер против конкурентов, улаживание разного рода конфликтов и т.д.

Открытым остается вопрос, какие именно съезды можно считать общеганзейскими³. Скорее всего, к таковым относились собрания с участием представителей не менее двух региональных отделений и обязательным присутствием делегации главы Ганзы Любека. Если же по каким-то причинам послы Любека отсутствовали, выполнение его функций по общему согласию возлагалось на любой другой город⁴. Созывались ганзетаги по мере надобности, обычно один раз в два-три года, но иногда, в связи с возникновением серьезных конфликтов, учащались до двух-трех раз на год. Инициатором их созыва, как правило, выступал Любек, и он же преимущественно выступал в роли принимающей стороны⁵.

Сроки проведения предстоящего съезда зачастую объявляли еще во время работы текущего, однако в любом случае в адрес ратов ганзейских городов рассылались специальные приглашения. В них сообщалась дата открытия запланированного ганзетага, приводился перечень выносимых на его рассмотрение вопросов и содержалось представителей⁶. требование присылать «только полномочных» Председательствовали на заседаниях, как правило, представители принимающего города. Иногда на съезд прибывали гости – представители тех городов или государств, которые не входили в состав Ганзы. Обычно такое присутствие практиковалось, когда возникала потребность в урегулировании каких-либо взаимных недоразумений или, напротив, вынашивался проект совместных действий⁷. Однако к участию в тех заседаниях, где обсуждались вопросы особой важности и уж тем более принимались окончательные решения, гостей не допускали⁸.

Кто же удостаивался чести представлять свой город на ганзетагах? Как правило, имена посланцев содержатся в рецессах и не оставляют сомнений в том, что все это были ведущие ганзейские купцы. В

1358-1385 гг. один из крупнейших ростокских оптовиков Арнольд Крепелин участвовал в работе 23-х съездов, а его коллега из Висмара Марквард Бантцеков — 17-ти. В 1376-1407 гг. выходец из старейшей ростокской купеческой фамилии Йохан фон дер Аа стал делегатом 20-ти ганзетагов. Ненамного отстал от него и гамбургский негоциант Керстин Милес, тогда же посетивший 19 съездов⁹. Подобного рода примеры можно продолжить¹⁰.

Все они убеждают в том, что участники съездов принадлежали к правящей городской элите: к моменту своего делегирования они занимали должности ратманов или бургомистров, многим доводилось выполнять важные дипломатические поручения. Это были компетентные и активные коммерсанты, к тому же заявившие о себе и на политическом поприще. Регулярно встречаясь на ганзетагах и периодически осуществляя совместные дипломатические акции, они неплохо знали друг друга, зачастую оказывались связаны общими торговыми интересами и даже родством¹¹. Именно этот, достаточно узкий круг наиболее влиятельных лиц ганзейского мира разрабатывал постановления съездов и контролировал их претворение в жизнь, т.е. по сути дела вершил судьбы Ганзы, определяя ее позиции и формируя политику.

Обычно каждый город-участник, руководствуясь собственными соображениями, направлял на ганзетаг одного или двух ратманов. В особо важных случаях их количество могло возрасти до трех, но никак не больше. Правда, особой привилегией пользовался принимавший город: ему одному разрешалось делегировать на съезд до девяти ратманов. На практике эта поправка, в первую очередь, касалась признанного лидера Ганзы Любека, ведь именно в его стенах ганзетаги устраивались чаще всего. Но даже такое явно диспропорциональное, хотя и узаконенное численное преобладание, не считалось, видимо, достаточной гарантией успеха в тех случаях, когда среди ганзейцев отсутствовало единство мнений. Не случайно любекский рат неоднократно появлялся на заседаниях ганзетага в полном составе¹². Включаясь явочным порядком в ход обсуждений, он старался внести в них нужную Любеку ноту, что, в конечном итоге, влияло на результаты работы съезда в целом. Не случайно довольно скоро общеупотребительной формулой рецессов стали слова: «Ганза и Любек постановляют...».

Единственным источником, который содержит описание церемонии открытия ганзетага, служит рассказ бургомистра из Бремена Йохана Хемелинга, включенный в городскую хронику¹³. Съезд был созван в связи с притеснениями, чинимыми ганзейским купцам во Фландрии, и начал работать 24 июня 1379 г. Сам Йохан, ввиду слишком юного возраста, на нем присутствовать не мог. О событии он поведал со слов отца — бывшего бременского бургомистра и участника упомянутого ганзетага Нильса Хемелинга¹⁴. Йохан воспроизвел отцовский рассказ в

начале XV в., т.е. уже по воспоминаниям. Поэтому не исключено, что в запись могли вкрасться некоторые неточности¹⁵. Но, как бы то ни было, перед нами – информация непосредственного участника событий. Автор передает ее языком ясных зрительных образов, вполне способных раскрыть сущностное содержание происходящего.

Оказавшись в Любеке, Нильс Хемелинг с некоторым изумлением обнаружил, что на ганзетаг прибыли посланцы из «такого множества городов, какого уже давно не доводилось видеть» 16. Действительно, съезд оказался довольно представительным: на него съехались посланцы всех ганзейских подразделений, в общей сложности, из 23 городов. Прибыло также посольство из Фландрии 17. Сначала вся эта достаточно многолюдная группа отправилась в церковь Св. Марии, где каждый, соответственно своему рангу, занял специально отведенное для него место. По окончании службы, выстроившись по двое, участники ганзетага торжественной колонной двинулись к любекской ратуше. При этом, как с нескрываемой гордостью за родной город подчеркивает Хемелинг, любекский бургомистр настоял на том, чтобы его бременский коллега занял место рядом с ним, и они вместе возглавили шествие.

Далее Хемелинг с известной долей тщеславия отмечает, что в зале ратуши, куда участники ганзетага переместились для ведения переговоров, членам бременского посольства также была отведена наиболее почетная скамья – по правую руку от любекцев. В итоге оба посланца Бремена – сам Хемелинг и ратман Хинрик Гронинг – расположились впереди прочих участников съезда 18. Рассказчик не сомневается, что столь явные знаки уважения – закономерная дань возросшему влиянию Бремена. А подтверждение своему мнению Хемелинг находит в том, что уже в ходе самих заседаний любекский бургомистр Якоб Плесков, который председательствовал на ганзетаге, неизменно предоставлял слово сначала бременцам и только после них – гамбуржцам.

Правда, обнаруживается одна деталь, заметно диссонирующая с сообщением бременского бургомистра. Оказывается, в так называемых листах присутствия, куда строго в соответствии с внутриганзейской иерархией вносились названия городов, приславших на съезд своих представителей, Гамбург все-таки упомянут перед Бременом. Это никак не могло оказаться случайностью в обществе, где принцип ранжирования соблюдался неукоснительно. Тем не менее, рассказчик делает попытку найти объяснение и такой «нестыковке». Его главным аргументом становится тот факт, что бременцам, прибывшим в Любек «со всеми их людьми, слугами и лошадьми», сама поездка и пребывание в ганзейской столице обходились намного дороже, чем посланцам расположенного по соседству Гамбурга. Бережливый и все просчитывающий купец, Хемелинг обращает внимание даже на то, что, едва очутившись в Любеке,

гамбуржцы тотчас же отправили всех коней назад, избавив себя таким образом от лишних затрат в чужом городе. Сетуя на отсутствие подобной возможности у бременцев, Хемелинг с огорчением замечает, что им пришлось нести слишком большие расходы. Поэтому, руководствуясь исключительно меркантильными соображениями, они стремились как можно быстрее вернуться домой, что, якобы, и побудило их пропустить Гамбург впереди себя при регистрации участников ганзетага.

Едва ли подобное объяснение можно считать убедительным. Во второй половине XIV в. ни о каком превосходстве Бремена над Гамбургом еще не могло быть и речи¹⁹. Что же в таком случае кроется за хвалебными сентенциями Нильса Хемелинга – заурядное бахвальство или нечто иное? Убедителен Томас Хилл, который считает, что, озвучивая рассказ отца, Хемелинг-младший свел воедино события конца XIV в. и исторические реалии своего времени²⁰. Действительно, в начале XV в. Йохан уже занимал пост бургомистра. Он должным образом был осведомлен о внутриганзейской расстановке сил и – что особенно важно – имел опыт участия в ганзетагах²¹. Неудивительно, что в содержание текста, возможно непроизвольно, могли вкрапиться и его личные впечатления. Как бы то ни было, в данном случае важно иное: ослабление экономических позиций одного города и усиление другого мгновенным эхом отозвалось в сфере сугубо репрезентативной, вызвав соответствующую корректировку процедурных моментов.

В изображении Хемелинга ганзетаг предстает весьма масштабной акцией, и тут автору можно вполне доверять. Из содержания рецессов известно, что в конце июня 1379 г. в Любек съехались 40 бургомистров и ратманов из ганзейских городов, разбросанных на пространстве между Голландией и Лифляндией, а также послы графа Фландрского. Столь широкое представительство неудивительно, если принять во внимание серьезность инцидента, послужившего причиной созыва ганзетага. С полным основанием его можно причислить к наиболее представительным ганзейским встречам XIV в. 22 Стоит ли удивляться, что торжественное открытие съезда превратилось в по-настоящему зрелищный спектакль, который привлек множество зрителей.

Преимущественно ими стали жители самого Любека. Дело в том, что начало съезда совпало с праздником Иоанна Крестителя²³. Обычно этот день был выходным, и свободные от повседневных трудов горожане получили неплохую возможность развлечься. Поглазеть на происходящее пришли, видимо, и те, кто в качестве вспомогательного персонала и обслуги сопровождал прибывшие в Любек посольства. Даже по самым скромным подсчетам, их общее количество должно было составить не менее 100 человек. Наблюдать праздничные шествия такого уровня им удавалось не слишком часто. Так стоило ли отказываться от представившейся возможности?

В продуманной инсценировке шествия особое значение придавалось символической коммуникации. Благодаря определенному церемониалу все участники и зрители действа должны были получить ясное и незабываемое представление о том, как рат ведущего города Ганзы понимал свой статус и собственную роль в жизни Любека и всего ганзейского объединения. Мариинская церковь и ратуша — два центра власти любекского рата²⁴. В обоих зданиях существовали специальные места для его членов, чем подчеркивалась важность их властных функций. Одна же из главных задач власти как раз в том и состоит, чтобы эту власть символизировать. Поэтому торжественная процессия в том виде, как она происходила — из церкви в ратушу, должна была лишний раз напомнить, что власть патрицианского рата освящена божественной волей, и в символических образах внушить всем собравшимся ее легитимность.

Ганзетаги – подлинная сердцевина мощного ганзейского организма. Их деятельность дает представление не только о том, как функционировала Ганза, но и о том, какими средствами она представляла и символизировала свою власть.

-

¹ Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse. Bd.2. – B., 1906. – S. 311-315; Hammel-Kiesow R. Die Hanse. – München, 2000. – S. 68-70.

² Die Rezesse und andere Akten der Hansetage von 1256-1430. Erste Abteilung. Bd.1 / Bearb. v.W. Junghans. – Leipzig, 1870.

³ Одни историки убеждены, что общеганзейским можно считать только съезд с участием всех его членов. Другие – полагают, что достаточным было присутствие посольств от всех ганзейских подразделений. – Подробнее см.: Henn V. Hansische Tagfahrten in der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts // Die hansischen Tagfahrten zwischen Anspruch und Wirklichkeit (Hansische Studien XI). – Trier, 2001. – S. 3.

⁴ Во время любекских восстаний 1410 и 1412 гг. полномочия главы Ганзы на съездах временно были возложены в первом случае на Гамбург, а во втором – на Штральзунд. – HR. I. 5. № 705, \S 13; HR. I. 6. № 68, \S 18.

⁵ По подсчетам немецкого исследователя Ф.Хенна, в 1356-1407 гг. состоялось 68 общеганзейских съездов. Из них 43 проходили в Любеке. – См.: Henn V. Hansische Tagfahrten... S.4, 6.

⁶ HR. I. 3. № 362. § 4.

⁷ В ноябре 1367 р. в Кельне проходил ганзетаг, на котором решался вопрос о создании знаменитой Кельнской конфедерации – направленного против Дании военного союза. На нем в качестве приглашенных гостей присутствовали делегации нескольких нидерландских городов. – HR. I. 1. № 413.

⁸ Henn V. Hansische Tagfahrten... - S.7.

⁹ Henn V. Hansische Tagfahrten in der zweiten Hälfte des 14- Jahrhunderts. – S.7-8.

¹⁰ Akteure und Gegner der Hanse. Zur Prosopographie der Hansezeit (Hansische Studien. IX). – Weimar, 1998; Behrmann T. Herrscher und Hansestädte. Studien zum diplomatischen Verkehr im Spätmittelalter. Hamburg, 2004; Подаляк Н.Г. Вулф

Вулфлам: карьера и судьба ганзейского дипломата XIV века // Средние века, 66. - M., 2005. - C.170-199.

- ¹¹ Wiegandt J. Die Pleskows. Ein Beitrag zur Auswanderung Wisbyer Kaufmannsfamilien nach Lübeck im 13. und 14. Jahrhundert. Köln1988; Asmussen Georg. Die Lübecker Flandernfahrer in der uweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts (1358-1408). Frankfurt/M., 1999. S.267-269;
- ¹² HR. I. 4. S. 395-397; HR. I. 5. S. 15-17.
- ¹³ Die Bremer Chronik von Rinesberch, Schene und Hemeling / Hg.v. E.Meinert. Bremen, 1968 (Die Chroniken der deutschen Städte. Bd.37). S.166-168. Мнения о том, что это единственный источник подобного рода придерживается Т.Берман. См.: Behrmann T. Über Zeichen, Zeremoniell ... S.109.
- ¹⁴ Hill T. "Worden de van Bremen alles bovene geset". Bremen auf Hansetagen im 14. und frühen 15. Jahrhundert // Die hansische Tagfahrten zwischen Anspruch und Wirklichkeit (Hansische Studien XI). Trier, 2001. S. 43-63.
- ¹⁵ К тому же наиболее ранний текст хроники относится к середине XV в. и, как доказано, содержит ряд включенных именно тогда интерполяций. Едва ли рассказ отца внесен в хронику самим Йоханом Хемелингом. Однако тот факт, что он сам поведал обо всем хронисту и затем ознакомился с содержанием записанного, у исследователей сомнений не вызывает. См.: Schwarzwälder H. Die Chronik von Rinesberch und Schene. Verfasser, Bearbeiter, Überlieferung // Bremisches Jahrbuch. 1972. № 52. S. 21-37; Johann Hemelings "Diplomatarium fabricae ecclesie Bremensis" von 1415/20 / Hg. v. L.Klink. Hildesheim, 1988. S.26.
- ¹⁶ «van so velen steden, also men dar lange dencken mochte». Die Bremer Chronik. S.166.
- ¹⁷ HR. I. 2. S. 197-199.
- 18 «Unde do se uppe dat radhus quemen, do worden de van Bremen alles bovene geset».
 Die Bremer Chronik. S.167.
- 19 Любек и Гамбург, расположенные на перекрестке важнейших торговых путей между Балтийским и Северным морями, объединяла не только общность коммерческих интересов, но и совместная борьба против Дании. В 1227 г. возле Бернхеведа они наголову разгромили войско Вальдемара II, что дало импульс дальнейшему сближению. В 1230 г. города подписали двустороннее соглашение, по условиям которого любекцы, находясь в Гамбурге, уравнивались в правах с местными жителями, и наоборот. Кроме того, стороны проявили стремление согласовывать взаимные претензии по возможности мирными средствами. В 1242 г. города расширили сферу своих контактов, договорившись о совместном преследовании грабителей, а в 1255 г. - заключили новый договор о сплочении усилий с целью поддержания безопасности торговых путей и осуществлении единых мер по наказанию разбойников. Таким образом, наряду с Любеком Гамбург стоял у истоков формирования Ганзы как договорного сообщества. Ло конца XIV в. ему удавалось сохранять престижный статус города-фундатора. -См.: Подаляк Н.Г. Ганза: мир торговли и политики в XII-XVII столетиях. - К., 1998. - C.28-29.
- ²⁰ Hill T. "Worden de van Bremen alles bovene geset". S. 44.
- ²¹ Stein W. Die bremische Chronik von Rinesberch und Schene // Hansische Geschichtsblätter. 1906. №2. S.139-212.

²² HR. I. 1. № 190. — S.207, § 3. Чтобы составить представление о масштабах встречи 1379 г., достаточно сравнить ее с одним из важнейших в истории Ганзы съездов, который открылся 19 ноября 1367 г. и проходил в условиях войны с Данией. В работе этого, без преувеличения, судьбоносного ганзетага, увенчавшегося созданием знаменитой Кельнской конфедерации. участвовал 21 посланник из 12 городов. — HR. I. 1. № 413. — S.373.

²³ Довольно рано установилась традиция приурочивать открытие собиравшихся в ганзейской столице съездов именно к празднику Св. Иоанна Крестителя. О чередовании праздничных и рабочих дней в городах Северной Германии см.: Wulf S. Arbeit und Nichtarbeit in norddeutschen Städten des 14. bis 16. Jhahrhunderts. Studien zur Geschichte sozialer Zeitordnung. – Hamburg, 1991. – S.120-127.

²⁴ Brandt A. Geist und Politik in der Lübeckischen Geschichte. – Lübeck, 1954. – S.83-96.

Т.Н. Попова (Одесса, Украина) В.Э. КРУСМАН: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Владимир Эдуардович Крусман, представитель «блестящей петербургской школы» историков, среди которых был «бесспорно, одним из самых сильных и значительных», - так писал о своем коллеге по кафедре П.М. Бицилли¹. Судьба В.Э. Крусмана (1879-1922) – трагична. Выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик Г.В. Форстена и И.М. Гревса², В.Э. Крусман с 1908 по 1917 гг. преподавал Новороссийском университете. С 1 июля 1917 г. был назначен на должность ординарного профессора Пермского университета, где проработал пять лет. Умер в Москве 25 августа 1922 г. в возрасте сорока трех лет³. В.Э. Крусман защитил магистерскую диссертацию только в 1916 г. и оставил небольшое по объему научное наследие, не успев в мере свой исслеловательский полной реализовать Последующее «забвение» ученого, на наш взгляд, в какой-то мере связано с рецензиями на его основной труд «На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов ближайшей своей обстановке. Исследование» (Одесса, 1915). Н.И. Кареев и Е.В. Тарле, авторы рецензий, имели в российской (и позже, в советской) историографии высокую научную репутацию ⁴. Не приняв в целом концепцию В.Э. Крусмана (хотя оба отмечали высокий профессионализм автора: «строгую историчность» исследования, эрудицию, «надлежащую» работу с источниками и т.п.), они сыграли определенную роль в придании «образу» провинциальности незначительности. ученого черт «Издержки» эпохи - «идеологизм» и проч. - способствовали тому, что научный поиск не был сфокусирован на трудах В.Э. Крусмана вплоть до 1990-х гг. Радикальное изменение историографической ситуации,